«Находятся у нас в слободе худые люди»

(Татарская община г. Казани во второй половине XVIII в.*)

В о второй половине XVIII в. татарское население Казани было сосредоточено в Старотатарской и Новотатарской слободах. В состав этого населения временно входили и татары окрестных деревень, нанимавшиеся на работу на мыловаренные и кожевенные заводы. Кроме того, здесь проживали татары из других губерний. Так, в одном из документов указывается, что в Старотатарской слободе проживало очень много татар из Вятского наместничества[1].

В 1781 г. был учрежден орган самоуправления татарских слобод — Казанская городовая ратуша татарских слобод. По мнению исследователей, она служила не только «более тесному взаимопониманию официальных властей с татарской торговой верхушкой», но и «во многом определила относительную независимость населения Старой и Новой татарских слобод, их саморазвитие при сохранении национальных особенностей в рамках русского города»[2].

В то же время важную роль в урегулировании жизни слободских татар играла система неофициального управления. Особое место в ней занимала «махалля» — локальная мусульманская община, центром которой была мечеть. В ней выделялись члены общины, обладавшие большим жизненным опытом и нравственными качествами («старшие мирские люди», «старшие люди», «старшие честные люди», «лутчие мирские люди», «старшие и лутчие люди»). Мечеть, центр религиозной жизни, служила и местом решения дел. Вместе с муллами и мирскими людьми в мечети присутствовали основные участники дела, которые при необходимости давали присягу. Свидетелями присяги могли стать все члены общины, если присягали «по окончанию… моления в собрании народном»[3]. Провинившихся «старшие честные люди» урезонивали и приводили «в добрый порядок и согласие». В конфликтных ситуациях они увещевали и наставляли противостоящие стороны, после чего те могли прийти к примирению. От ответчика могли потребовать «подписку», даваемую при уважаемых свидетелях. В ней фиксировались обязательства ответчика.

В компетенцию мулл и избранных мирских людей входили дела, касающиеся брачно-семейных отношений и нарушений нравственных норм, раздела имущества и права собственности. Разбирали они и весьма необычные дела, например, о «неотдаче заработанных денег»[4].

В итоге выносилось решение в соответствии с законами шариата. Так, служилого татарина С. Шафеева за «блудное грехопадение» муллы приговорили к 39 ударам палкой[5]. Довольно часто муллам приходилось разбирать жалобы жен на мужей, обвиняемых «в беспутной жизни», «в непорядках». По настойчивому «увещеванию» разбирателей жа-

* Публикация подготовлена автором при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Татарская и русская общины в социальной жизни города Казани во второй половине XVIII-XIX вв.»), проект № 06-01-29103 а/В.

лобы супруги обычно мирились. Тогда супруг в знак примирения мог при свидетелях дать письмо, в котором обещал «пьяных напитков не пить», «напрасно не бить и худыми словами не бранить» свою жену[6]. Особую значимость такому письму придавали свидетели — муллы, «старшие люди».

В целом, «лучшие» мирские люди, наряду с муллами, были влиятельной силой в махалле. Во второй половине XVIII в. возникают предпосылки, снижающие их статус. Одна из них была связана с образованием Казанской городовой ратуши татарских слобод. Ратуша проводила в жизнь решения местной администрации и в своей деятельности опиралась на российское законодательство. Так, для определения виновности в делах о непочтении к родителям она руководствовалась Соборным уложением 1649 г. (4, 5 статьи 22 главы)[7]; о написании «воровски отпуску» — Воинским артикулом, указами от 22 апреля 1725 г., 13 мая 1754 г., 9 ноября 1765 г.[8]; «приправке пашпорта» — «Генеральным о рекрутском наборе учреждении»[9].

С образованием ратуши жители подведомственных слобод могли обращаться в нее с жалобами. Однако в ряде случаев, адресуя свои прошения в ратушу, татары предпочитали использовать традиционные формы разрешения своих проблем. На практике это происходило следующим образом. Истец направлял доношение в ратушу, в котором, излагая суть дела, просил через мулл исследовать его[10]. Ратуша в свою очередь принимала соответствующее решение: «К муллам и абызам послать приказ, в коем написать чтобы они... по мухаметанскому закону учинили справедливое разбирательство»[11].

Иногда ратуша направляла дела, например, касающиеся брачно-семейных отношений, на разбор к муллам без просьб истца. Здесь ее члены опирались на указ от 28 мая 1764 г. В одном из дел имеется ссылка на него: «В дела, не принадлежащие до светских правлений, яко то в женитьбе мужей,.. выходе жен замуж,.. светским командам не мешатся,.. в свое ведомство не забирать...»[12].

Общественное мнение и мнение ратуши не всегда совпадали. По одному из дел муллы рапортовали в ратушу, что «в нашем законе кто вступит к непотребному делу и с чего кто обижен будет, тогда обидящего велено 39 раз наказовать»[13]. Но ратуша выше мнения мулл ставила российское законодательство, и виновного наказали отсылкой в смирительный дом. Или вот другой случай. При определении вины жителя Старотатарской слободы, уличенного в подделке паспорта «для торгового промыслу», ратуша получила положительный отзыв о нем от «старших и других лутчих людей»: «никаких непорятков не видали и не слыхали и с худыми людми ево знание не ведали, а в государственных податях и в корабелной работе от него остановок не было»[14]. Однако подделка паспорта по законам, говорили члены ратуши, карается смертью или отдачей в солдаты. Было решено, наказав виновного плетьми, отдать в «военную службу».

Бывало, что отношения слободских татар с представителями ратуши принимали порой конфликтный характер. Дело доходило даже до прямых столкновений. «Разсылщик» ратуши А. Юсупов, явившись к жителю Старотатарской слободы Ю. Исаеву, который не внес «подушных и лашманских» денег в ратушу, подвергся нападению со стороны последнего[15]. Лишь последующее заявление обоих об отказе от взаимных претензий избавило А. Юсупова от наказания.

В ноябре-декабре 1784 г. состоялись первые выборы в ратушу[16]. В ее состав должны были избрать городского голову, двух бургомистров, четырех ратманов, двух словесных судей. В Старотатарской слободе на должность головы баллотировался 21 человек из числа именитых торговцев. Из них семеро кандидатов относились к возрастной группе от 50 лет и старше. Но ни один из них не только не получил большинства, но даже не набрал и половины голосов. Тем самым слободские татары продемонстрировали свое отношение к власти и к образованным ею учреждениям. Стало также очевидным, кого население слободы не хотело бы видеть во главе ратуши. Позднее проявилось нежелание многих жителей слобод содержать ратушу.

Другая предпосылка была связана с существенными переменами в политике российского правительства по отношению к исламу и мусульманам. В условиях усиления миссионерской политики авторитет мулл был непререкаем, их решения исполнялись беспрекословно. Предписания мусульманского духовенства имели успех не только потому, что его власть была освящена многовековыми традициями, но и потому, что оно действовало в условиях изолированного общества. Ослушников могли подвергнуть не только остракизму, но и изгнанию из общины. С одной стороны, этой изоляции способствовала политика властей, выражением которой стало образование татарских слобод в Казани. С другой стороны, выразителями изоляционизма как своеобразной формы защиты своей самобытности были сами мусульмане.

Во второй половине XVIII в. складываются условия для тесной интеграции мусульман в российское общество. В их среде убывает число последователей изоляционизма, особенно в среде формирующегося купечества. Это проявлялось в усилении контактов с русскими жителями Казани, в распространении русских и европейских обычаев и т. д. Процесс имел нарастающую динамику, и в первой половине XIX в., по наблюдениям К. Ф. Фукса, многие богатые казанские татарские купцы, торговавшие в Гостином дворе, обедали в русских трактирах, которые посещали и другие татары. Дома состоятельных купцов уже мало отличались «по наружности своей» от домов русских дворян и купцов. Служащие-татары одевались по-европейски. В татарских домах перестали быть редкостью гости из числа русских чиновников[17].

В процессы хозяйственного, бытового взаимодействия вовлекались и менее состоятельные и, что особенно интересно, молодые татары. Источники зафиксировали даже факты, имевшие криминальный оттенок. Так, семнадцатилетний житель Новотатарской слободы М. Давыдов торговал перцем, перемешанным с истолченными сухарями. Как выяснилось, этому его научил крестьянин А. Ремезов[18]. Я. Ибрагимова из Старотатарской слободы совместно с крестьянином М. Масленниковым из с. Архангельского обвиняли в «битье» солдата Сергеева[19]. Я. Ибраеву из Старотатарской слободы в изготовлении фальшивого «отпуску» на «казенные лесные барки» помогал дворовый человек обер-почтмейстера Г. Комарова И. Бецков[20].

Происходила некоторая девальвация предписаний мусульманского духовенства. Теперь обязательность его санкций, беспрекословно действовавших в условиях «закрытого» общества, теряла былое значение и могла подвергнуться сомнению как не оправданная политическими моментами. В Старотатарской и Новотатарской слободах появляются татары, высказывающие неповиновение муллам, игнорирующие предписания уважаемых жителей. Источники донесли до нас имена некоторых из них.

Основных претензий «мира» к ним было несколько. Во-первых, это постоянные отлучки из слобод без согласия общины. Участник происшествия в с. Ключищи Б. Измайлов (приехав в село для покупки скота, напился, ходил по крестьянским домам, требовал огня для курения трубки) выехал из слободы «без взятия указного пашпорта и письменного от миру виду»[21]. Некоторые, получив паспорт «для промыслу» на один год, находились «в отлучке» несколько лет.

Во-вторых, несвоевременная уплата налогов или уклонение от податей, «корабельных работ» и рекрутской повинности. Например, жители Старотатарской слободы жаловались на И. Уразаева, что он, «как рекрутский набор бывает, то укрываитца... и сыскать не можем»[22]. Б. Измайлов, желая избежать рекрутского набора, отрезал себе ухо. Эти претензии «мира» вполне обоснованы, поскольку жители слобод несли коллективную ответственность за уплату податей и поставку рекрутов. Так, за Б. Асанова, М. Мухаметева, бывших в «побеге», «мир» платил подати и выполнял повинности вплоть до их поимки[23].

В-третьих, знакомство с «недобрыми», «лихими», «неведомыми», «негодными», «подозрительными», «худыми» людьми. Как гласит источник, «обще с ними ходят» и «в домы к себе прини-

мают»[24].

В-четвертых, много нареканий жителей слобод вызывало пьянство. По свидетельству жителей Старотатарской слободы, А. Мухаметев «безобразно пьянствует, спит в питейных домах»[25]. Пагубное пристрастие к алкоголю сказалось на экономическом состоянии братьев Адылевых, А. Якупова, Б. Измайлова. Продав свои дома и «дворовые места», они пропили и промотали вырученные деньги.

В-пятых, как нежелательные явления воспринимались отсутствие интереса к торговле — основной составляющей деятельности слободских татар («ни к какому торгу склонности не имеют»[26], «торгу и доброму делу не вступают»[27]) или совершение неблаговидных поступков на торговом поприще. Так, С. Шарыпов, находясь на Троицкой ярмарке, «у некоторых людей взяв товар, промотал»[28]. Позднее старшина Старотатарской слободы Я. Салтанеев «в сапожном ряду в лавку посадил, но и с той лавки, товары промотавши, вышел»[29].

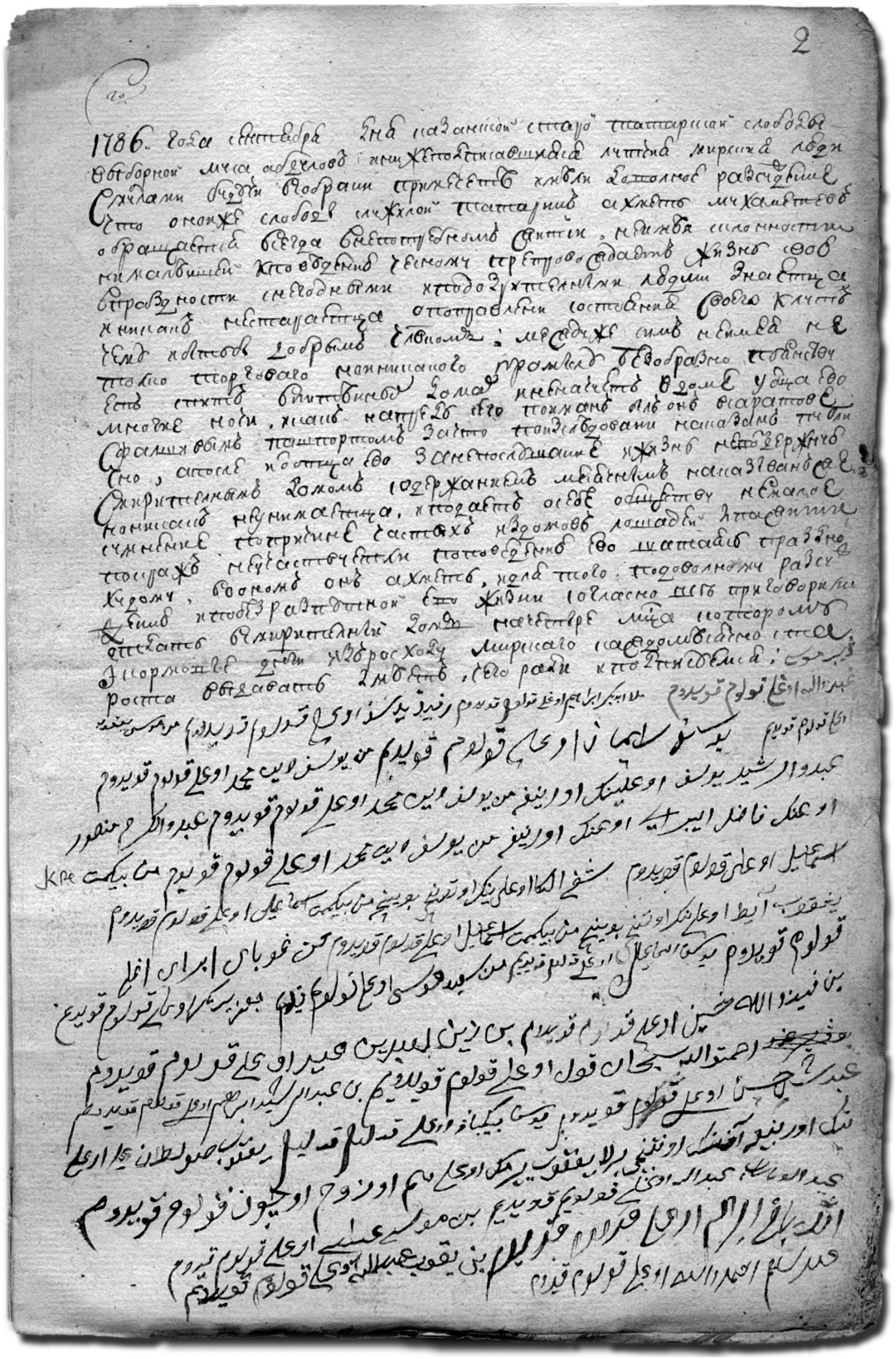
Некоторых уличали в воровстве и подозревали в других «худых поступках». К примеру, С. Бикмаметева за кражу коровы наказали батогами «при большой каменной мечети»[30] при всех жителях Старотатарской слободы. А. Якупов и Б. Измайлов за кражу лошадей содержались в Казанской управе благочиния[31]. Существовало опасение, что «худым поступкам» могут последовать другие члены общества: «видя их, и другие к тому научатся»[32].

В итоге «мир» выносил свой жесткий вердикт: «К житью... между обывателями негодные»[33] или «к житью в обществе с миром неспособные»[34]. Он без жалости расставался с «худыми» татарами, отправляя отъявленных нарушителей в российскую армию, что, по существу, означало окончательную потерю связи с ними. Других решением ратуши обязывали «бездоимочно» платить подати, жить «добропорядочно», придерживаться поведения доброго и честного, не пьянствовать, не воровать, избегать контактов с «воровскими людьми», не причинять сородичам «обиды и озорничества». Третьих на первых порах ожидало пребывание в смирительном доме. Однако попытки урезонить возмутителей общественного спокойствия часто оказывались безрезультатными, поскольку они не только «в случае унимания не слушают»[35], но в ответ и сами «ругают и угрожают всячески»[36]. До какого-то момента к ним применяли меры общественного порицания, их старались «унять». Лишь исчерпав запас убеждений, «мир» начинал избавляться от них.

Признавая важную социализирующую роль мулл, «старших» и «лутчих» мирских людей, нельзя не заметить определенную неэффективность традиционных инструментов общественного регулирования в татарских слободах Казани. Тем не менее, как показали дальнейшие события, татарское общество в целом и локальные мусульманские общины в частности сумели адаптироваться к новым социально-экономическим и политическим условиям.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 5, л. 17 об.
2. Гилязов И. А. Татарские слободы города Казани во второй половине XVI — середине XIX вв. // Татарские слободы Казани: Очерки истории. – Казань, 2002. – С. 68; Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. – Казань, 1991. – С. 36.
3. НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 198, л. 16 об.
4. Там же, д. 166.
5. Там же, д. 223, л. 3 об.
6. Там же, д. 181, л. 1.
7. Там же, д. 63, л. 4; д. 177, л. 3; д. 497, л. 9, 9 об.
8. Там же, д. 149, л. 24-29.
9. Там же, д. 234, л. 17 об.
10. Там же, д. 91, л. 1 об.
11. Там же, д. 39, л. 3.
12. Там же, д. 148, л. 2.
13. Там же, д. 68, л. 10.
14. Там же, д. 234, л. 9.
15. Там же, д. 146, л. 1.
16. Там же, д. 220.

Мирской приговор жителей Старотатарской слободы об отправке служилого татарина А. Мухаметева в смирительный дом.
НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 357, л. 2.

17. Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Краткая история города Казани. Репринтное воспроизведение. – Казань, 1991. – С. 20, 23-24, 137, 143.
18. НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 54, л. 3.
19. Там же, д. 95.
20. Там же, д. 149, л. 5 об.
21. Там же, д. 190, л. 6, 25.
22. Там же, д. 179, л. 5 об.
23. Там же, д. 377, л. 1; д. 853, л. 3.
24. Там же, д. 218, л. 6; д. 94, л. 1.
25. Там же, д. 357, л. 2.
26. Там же, д. 94, л. 4.
27. Там же, д. 179, л. 5.
28. Там же, л. 5 об.
29. Там же.
30. Там же, л. 5.
31. Там же.
32. Там же, д. 94, л. 4.
33. Там же.
34. Там же, д. 179, л. 5.
35. Там же, д. 94, л. 4.
36. Там же, д. 218, л. 6.

№ 1. Из мирского приговора жителей Новотатарской слободы об отдаче в рекруты служилых татар Асана Якупова, Абдулу Адылева и Башира Смайлова

Октябрь 1783 г.

[…] Находятся у нас в слободе худые люди, [...] которые к житью с миром негодные, завсегда оказываются их худости, без позволения обывателей отлучаются, с лихими людьми знаются, в случае унимания не слушают, [...] в платеже государственных податей чинят остановки, ни к какому торгу склонности не имеют, завсегда пьянствуют, из которых Башир Смайлов во время укрывательства от рекрутства отрезал себе ухо, [...] сверх оных имеются худостей немалое, для того приказали [...] по сему выборному письму господам командирам отдавать сего года в набор, что с двухсотпятидесяти душ, одного человека в рекруты, потому что, как вышеписано, впредь к житью они между обывателями негодные, видя их, и другие к тому научатся […].

НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 94, л. 4.

№ 2. Из мирского приговора жителей Старотатарской слободы об отправке служилого татарина Ахмета Мухаметева в смирительный дом

Сентябрь 1786 г.

Сего 1786 года сентября дня казанской Старой татарской слободы выборной Муса Абдулов и нижеподписавшиеся лутчия мирские люди с муллами, будучи в собрани при мечети, имели доволное разсуждение, что оной же слободы служилой татарин Ахмет Мухаметев обращается всегда в непотребном житии, не имея склонности немалейшей к поведению чес[т]ному, препровождает жизнь свою в праздности, с негодными и подозрител[ь]ными людьми знаетца и никак не стараетца о поправлении состояния своего к лутчему, [...] между сим, не имея не толко торгового, но и никакого промыслу, безобразно пьянствует, спит в питейных заведениях и неначует в доме у отца ево многие ночи, и как напредь сего поиман был он в Саратове с фалшивым паспортом, за что по изследовани наказан публично, а после и от отца ево за непослушание и жизнь невоздержаную смирительным домом, содержанием месячным наказыван, [...] но никак не унимаетца и подает о себе обществу немалое сомнение по причине частых из домов лошадей […] покраж не участвует ли по поведению ево мотаясь праздно худому, в оном он Ахмет, и для того подоволному разсуждению… приговорили отдать в смирителный дом на четыре месяца […].

НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 357, л. 2.

Ильдар Валиуллин,
кандидат исторических наук